

КТО УБИЛ ЭРКЮЛЯ ПУАРО?

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мария Шумская
Кто убил Эркюля Пуаро?

«Автор»

2026

Шумская М.

Кто убил Эркюля Пуаро? / М. Шумская — «Автор», 2026

Михаил Борисович Шпигель ведет запутанное дело о пропаже четверых подростков. Одного из мальчиков находят мертвым. Подозреваемого задерживают с поличным: все в деле указывает на его виновность. И думать нечего, ведь перед нами маньяк-рецидивист, который убил собственного пасынка! СМИ негодуют, начальство требует результата, родители в панике и не знают, что случилось с похищенными детьми? Обвиняемый не сотрудничает со следствием и не говорит, где прячет оставшихся ребят. Давление и угрозы никак не решают проблему. А что, если в этом деле все не так, как кажется? Обвиняемый не виновен, а дети похищены вовсе не просто так? Что объединяет четверых парней, которые даже не знакомы? И как они связаны с последним делом легендарного сыщика Эркюля Пуаро, героя романов Агаты Кристи? Михаилу Борисовичу приходится не только освежить свои литературные познания, но столкнуться лицом к лицу с семейными проблемами, которые превращают это расследование в его личное дело.

© Шумская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	18
Глава 4	22
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мария Шумская

Кто убил Эркюля Пуаро?

Глава 1

– Нет, ну вот ты скажи мне, раз такой умный: кто убил Эркюля Пуаро? Давай хотя бы с имени начнем!

– Друг мой, друг мой, ты очень и очень болен...

– Это не ответ, ты сам прекрасно знаешь!

– Эдик, уймись! Перед тобой старший следователь по особо важным делам, полковник юстиции...

– ... Который, между прочим, хвастается, что все детективы прочитал и на зубок знает!

– Это я в юности читал, развлекался, как умел, и скажу тебе откровенно: все это чушь собачья! Гроша ломанного не стоят твои истории. Все эти Пуаро и Шерлоки, господа прости, Холмсы ничего не смыслили в реальном сыске. Их грандиозные успехи основаны на везении и чистом фанфаронстве автора: нашел герой алмазы среди камешков – эврика, убийца найден! Целуйте ручки, но не трогайте усы! Брехня и устарело. Тем временем в реальном мире: сто бумаг заполни, экспертизу закажи, свидетелей найди, ах нет же, не этих, других надо, как нет?! Мы такое дело развалим, ищите! Хоть первому прохожему глаза к спине приделайте, а найдите! И еще записи с камер не забудьте, включая те, которых в помине нету. Ну и, конечно, дел у нас не одно на месяц, а столько, что от заявителей скоро бегать начнем, как самые настоящие преступники. И вот в такой ситуации ты пристаешь ко мне со своими книжками!

– Миша, ты не видишь перспективу и проигрываешь спор. Все в тебе хорошо, кроме этой твердолобости. Скажи прямо: не помню я, кто убил этого злосчастного Пуаро, и не вижу я связи с насущным делом. Поверь, я не оставлю тебя в неведении и приду на помощь!

– Эдик, учи матчасть! Он сам себя убил, потому что осознал, что все детективы про него – это хобби для домохозяек, наряду с вязанием и макраме, но не более того. А еще раньше это осознала Агата Кристи, но денег людям очень хочется, поэтому предприимчивая дама писала о своем усатом господине даже больше, чем позволяла совесть, а последний роман о нем вышел аккуратно после ее смерти. И читатель успокоился, и издатели довольны. А что касается нашего дела, ей богу, не вижу связи! Если я болван, не отрицаю, и пусть меня разжалуют в участковые!

– Ты все шутишь, а задумайся вот о чем: Пуаро якобы сам совершил убийство на склоне лет и понял, что непременно свалится с высоты созданного им же пьедестала, если дело раскроется. Представь заголовки: всемирно известный сыщик пограл высокие идеалы правосудия и ступил на темную сторону! Не проходите мимо, свежая голова на пике! И он решил изящно выйти из положения: убить себя, а после нас – хоть потоп. Он стар, одинок, усы уже выпали, терять нечего. А плохого парня он покарал и плевать, каким способом. В конце концов, шляпа полная все это правосудие – кому, как ни ему, знать? И вроде все okay в этой истории, гордыня привела зазнайку туда, где рак на горе насвистывает «Реквием», но что не так по сути?

– То, что это всего лишь книжка?

– Опять мимо, теряешь форму! По сути не так, что верующий человек, который годами радел за справедливость, не мог так поступить. Мало того, что он убил преступника (с чего бы это?), он еще и на себя руки наложил. Тяжкий грех, нет прощения, публика в слезах. Психологический портрет Пуаро контрастирует с таким финалом. Оно и понятно, ведь писательница убила своего героя аж в 1940 году, но рукопись 30 лет лежала в сейфе, потому что жадные издатели буквально запрещали ей свести с ним счеты. Самой Агате этот комичный и предвзятый Пуаро осточертел донельзя, но публика его любила и деньги шли рекой. В конце жизни

она уже настолько хотела его убить, что забила и на психологический портрет, который создавался после этой смерти, и на внятные причинно-следственные связи. Пусть уж сдохнет, прости господи, как собака, любой ценой, потому что на неверного мужа похож и все такое прочее. Самой Агате уже нечего терять и не перед кем делать книксен. Вот почему последний роман о великом Пуаро никто не любит: его реже других переиздают, его жестче и злее критикуют. Не верится в такой конец – и тут не надо быть Станиславским! Все еще не видишь?

– Блесни уж красноречием напоследок! Еще одна рецензия на книгу и я тебя уволю!

– Не посмеешь, работать некому. Так вот, вернемся к нашему делу. Тебе не кажется, что наш убийца и похититель притянут, как говорится, за уши? Я поднял его первое дело, по которому он сел, так там, мой милый, чистая литература. Так складно все свидетели запели после убийства, такие дифирамбы парню пели, что я б не удивился, если бы Господь его самолично в райские кущи отселил и устроил прилюдное вознесение. Однако я поднял кое-какую информацию и выяснил, что парень привлекался и не раз. Такое, знаешь, ощущение, возникло, как при прочтении последнего романа Пуаро: прилизанное жизнеописание как будто написали после смерти мальчика, чтоб отчима наверняка упечь. И другие нестыковки...

Да знал он про «другие нестыковки» получше Эдика. Дело дрянное, липкое, того гляди увязнешь по самые уши, красные от стыда. Все началось с того, что в их районе пропали два подростка. Мальчики, 14 и 15 лет, между собой не пересекались, совпадений ноль. Потом сюда же приплели третьего – из другого участка, но обстоятельства плюс минус те же. Родители, само собой, в панике, каждый день то припадки, то упреки, то наставления, как, мол, работать надо, он-то, тридцать лет стажа, не знает ничегошеньки! А держат его при должности за красивые жировые складки... Это ладно, можно матерям простить, но тут на все его наработки и кое-какие версии свалился самый настоящий труп. Угадайте, кто? Пятнадцатилетний мальчик, пропавший уже с неделю, но бабка, полубольная и полупомешанная, «не стала идтить в полицию, потому что гуляет этот непутевый Ромка и сам вернется, не первый раз». И ладно бы это обычный труп, с кем, как говорится, не бывает, и с вами будет, но какой? Изуродованный, с многочисленными следами пыток и истязаний, а главное – кто-то полностью стер лицо. Видно, лезвием работали. Аккуратно так, без спешки, будто руки привычные и «не первый раз». «Будь она неладна, старая дура, мы же даже не знали, кого искать! Он был обречен, потому что мы даже о нем не знали!» – думал он, глотая разросшийся снежный ком сожалений, бессонных ночей и вины, бесконечной своей вины перед мальчиком, которого так и не удалось спасти. Сколько лет работает, а так и не излечился от...

«Хватит уже! Соберись и давай о деле!» – напомнил он себе и резко встал, заставляя виски стучать и пульсировать с болью, но отврезвляющей, проясняющей все вокруг. С этих пор ситуация кардинально изменилась: исчезновение подростков получило вдруг приоритетное значение в отделе. Родители откуда-то узнали об убийстве и озверели, едва ли не берут кабинеты штурмом. И понятно, почему: наконец-то появился подозреваемый, причем такой, которому хоть цветы вручай и хлопай – настолько обвинению потрафил. Нашли его на месте преступления, весь в крови жертвы, что-то там делал с телом, будто пытался от него избавиться «либо, не знаю уж, разделать и сожрать напоследок – ты его рожу видел?!». У мужичка уже не первая ходка, причем сидел за то же самое: убил и изуродовал подростка, сына своей сожительницы. Потом, ясное дело, на войну отпросился, послужил, вернулся и обнулil срок. Молодец, нечего сказать, отличился! Не прошло и полугода, он опять за старое и с таким скандалом! Не у себя в деревне, конечно, а здесь, в столице, чтобы вся либеральная пресса посмотрела: «Вот он, герой, которого мы заслужили, полюбуйте! Они их выпускают на погибель нашим детям!». Садам и Гоморра рядом не стояли с тем, что тут закрутилось. Сверху настойчиво и громко попросили, чтобы вопрос решился быстро и без шума. «Ветеран» вляпался, тут уж ничего не поделаешь, так что тихо надо закрывать и чтоб с концами! Поедет в глухомань под Омском (Орском? Томском? Да без разницы!), чтоб ни один корреспондентик, тем паче бло-

гер, боже упаси, не смог доехать и в говне увяз, дабы неповадно было. Сказано – сделано. На «героя-освободителя» тут же возложили всю ответственность за эпизоды, несмотря на то, что других ребят так и не нашли. Под всеми мыслимыми... «способами добиться откровенности» этот горе-партизан ничего не выдал. Твердит одно, морда каторжная, дескать, он никого не похищал, знать не знает, что ему «мусора подшили», и «уже не в первый раз», кстати, так что его ни одна «ментовская басня» не удивляет. Всю душу искалечили, всю жизнь поломали, ему в обморок падать поздно и «не впадлу» взвалить на себя «ту дичь», что ему вменяют, лишь бы эти сволочи от него отстали и вернули в камеру. Мог бы дать координаты других детей – дал бы, без проблем, «но видите ли, в чем дело, господа хорошие, не того вы повязали, но вам, то, пидорасам на погонах, срать, кого под белы ручки вести, на людей срать!». И в отказ. Как теперь понять, что за этим кроется: ненависть к «мусорам», желание порисоваться и набить делу цену, цинизм до степени, которую не посчитать без калькулятора и математика в экспертах. А может, он и вправду не знает? Дела не связаны? Похитил один, а убил другой? Но вот незадача: в телефоне у убитого нашлись звонки. Да, он звонил другим жертвам похищения. Не писал, как свойственно подросткам, а звонил. Хотя чаты в соцсетях подтерты, на запросы и восстановление уйдет не один месяц, если вообще можно будет чего-нибудь добиться. Переписки-то в «запрещенных» мессенджерах, без представительства в РФ. Ищи теперь ветра в поле... Тем не менее, хотя бы попытки связи позволяют сделать вывод: все похищения связаны, но каким боком?

Михаил Борисович был не из тех, кто послушно закрывал дела, получив суровую отповедь от начальства или прогибаясь под прессингом сми. Он вовсе не был удовлетворен ходом этого расследования. Старший следователь по особо важным делам хотел выяснить правду, найти ребят, вернуть их по домам и самолично удостовериться, что преступник пойман, наказан, сидит в тюрьме. Это его работа, черт побери! Но с момента обнаружения трупа на него напали со всех мыслимых углов, сторон и биссектрис в придачу. Судите сами: родители требуют линчевания и чуть ли не средневековых пыток, винят его в желании «отмазать ветерана»; сми всех возможных ориентаций щеголяют друг перед другом нелепыми инвективами и не могут определиться: то ли полиция виновата, то ли родители, то ли вовсе компьютерные игры с квадратиками вместо человек; надсмотрщики-замполиты хотят уже скорее посадить стрелочника и прекратить шумиху; начальство выражает рьяное желание и рыбку съесть, и мальчиков найти, да так, чтоб из АП им больше не звонили; все родные и знакомые уже ополчились на «маньяка» и напрямую спрашивают, когда уже его посадят: «Ведь очевидно же, что он виновен, а тянут, потому что политический контекст, мы что, тупые, что ли, не понимаем колленкор?». И весь отдел туда же: «Чего мы ждем? Дана команда сверху, приказы не обсуждаются! Нажать надо на него, нажать, у педофилов никто побои не считает и сами добавляют, ежели мало ему, скоту!». Да, педофилов, потому что пришла экспертиза, где ясно сказано: подросток пережил «насильственные действия сексуального характера» перед смертью. Господи, да его ж толпа до состояния фарша доведет, если увидит выходящим из СИЗО. Мужик попал настолько капитально, что трудно даже вообразить, какими доводами будет отрабатывать рубли защита... И все же Михаил Борисович сомневался и медлил, отчаянно отбиваясь от тычков, пинков и понуканий. Пока другие мальчики не найдены, о завершении дела рано даже думать. Не говоря уже о личности убийцы, который не отрицает и не признается, а тупо запирается в себе и огрызается в ответ на все попытки до него добраться. Чего они только не пробовали, а результата нет. Чем дальше продолжалась эта патовая стойка, когда ходить некуда и физически давят пустые клетки, тем громче говорили в его голове сомнения, отмеряя время взрывами в висках. «Если он, почему молчит? Если не он, почему ничего не скажет в свою защиту? Живы ли еще эти мальчики? Что их связывает, кроме этих странных звонков?» – вопросы оседали темной сажой на стекле пепельницы. И в такой непролазной мути ни зги не видно.

И все-таки, чем черт не шутит? Все равно тупик. Несмотря на витиеватость и несерьезность литературных изысканий Эдика, друга и коллеги Михаила Борисовича, он в чем-то прав: дело будто нарочно прикидывается решенным, как роман о смерти Пуаро претворяется последним. И там, и тут финал выглядит искусственным, наскоро пришитым и взятым явно не из этого набора. Истории были похожи на поделку из лего, где все детали перепутаны и вытянуты из разных коробочек. Взять хотя бы то, что психологические мотивы преступника никак не объясняют его поведение. Его тип личности никак не вязался с педофильскими наклонностями, равно как и Пуаро не был замечен в склонности к криминалу. «Герой надоел, надо убрать его любой ценой». Где-то был опущен переход, вместо него скачком зияла грубая монтажная склейка. По всей видимости, нужно изучить его первое и «роковое» дело, чтобы...

– ...Зайти с того, что его на самом деле мучает. Ты посмотри на запись допроса: он же весь трясется, когда ты про пасынка начинаешь. Вот его-то он точно грохнул, сомнений нет, но почему? Мне кажется, мы его не поняли. Если он и тот, кого мы ищем, то разгадка его мотивов все равно лежит в темном прошлом. Раскопаем то давнишнее дело – подберем отмычку к личности преступника. Какие еще «ключи»?! Ты глянь хорошенько, он их давно уже выбросил!

Глава 2

Дмитрий Родионович Торинов (боевая кличка: Тор) родился в деревне Зориново (Тверская область). Образование среднее, специальность: плотник. Работать ездил в близлежащие поселки, все неофициально: там печи собирал, тут сарай строил, а вон там, за оврагом, гараж с курятником. В сезон выходило прилично, зато зимой, как правило, проедал летние заработки и перебивался мелочами вроде заготовки дров и срочного ремонта крыши, «чтобы до лета как-то достояло, а там уж переберем по-людски, с бригадой». Как бы там ни было, по деревенским меркам муж был хоть куда: пил умеренно, без фанатизма, руки золотые, по хозяйству умеет все, деньги водятся, не лентяй и не лежебока. А еще свой дом – тоже немаловажно. Соседи говорили о нем: «добрый», «порядочный», «всегда поможет», «вот уж не думала, что он...». Не будучи красавцем и душой компании, он все равно получал от женщин знаки внимания и был по-своему востребован на поприще любовных походов. Поэтому выбор «подруги» показался односельчанам странным. Ну правда: немолодая, внешне не первый сорт, еще и с прицепом. Два сына, один из которых уже подросток, та еще морока! Всем табором приехали к нему, а раньше вовсе в комнатке ютились. Как же это ей удалось окрутить мужика? Соседи диву давались, но вслух высказываться не смели: мало ли какая помощь пригодится?

Несмотря на внешнюю «второсортность», Екатерина Ивановна обладала высоким представлением о собственном достоинстве и сильным характером. Даже живя на грани нищеты в убогой комнатенке с посеревшими обоями, она старалась сохранить иллюзию благополучной жизни. Каким-то чудом дети были ухожены и хорошо одеты, вовремя посещали школу и детский сад, успехами не отличались, но и проблем особых не создавали. Стоило учителю лишь намекнуть на жалобу, мать тут же появлялась на пороге и отстаивала позиции своих детей, не переходя, впрочем, грань дозволенного. Всегда выходило как-то так, что из упрека получалось «недоразумение», из двойки – тройка, а из проступка – «детская шалость». Вроде все понимали, что семья не полная, стеснена в средствах, отца и след простыл, алиментов нет, а дети нуждаются, им негде даже делать уроки, но никому бы и в голову не пришло обращаться в опеку или предложить Екатерине Ивановне «посильную помощь». В ее серых глазах застыло отражение болезненной гордости и решимости «нести свой крест» достойно, «не протягивая рук на паперти». Ее сыновей никто не мог бы назвать «невоспитанными» или «отстающими», иначе пришлось бы иметь дело с женщиной, которая умела пристыдить обидчика одним лишь выражением лица – изможденного и сурового, плотно сжатого, как кулак. Да, ее дети не самые успешные, не самые модно одетые и ладноречивые, но какими бы иные были на их месте, не будь у них... (далее следовал длинный список того, чего лишены ее сыновья, но он никогда и никому не озвучивался).

Такая дама не приглянется на деревенской пьянке, но «такая» туда и не пойдет. Она блюдет себя в строгости и терпеливо ждет того мужчину, который «примет ее детей, как своих». Она живет особняком и умело ведет хозяйство, не полагаясь на заезжих гастролеров, которым только и надо, что... Этой основательностью и независимостью Екатерина Ивановна привлекла Дмитрия Родионовича, человека уже зрелого и опытного. Ему за тридцать, а нет ни жены, ни деток, ни своего очага. Вдоволь погулял, но ни одна из многочисленных «подружек» так и не сумела забеременеть, чтобы разом прекратить холостяцкие поиски любовника. В его представлении, донельзя упрощенном размеренной деревенской жизнью, для семьи нужны были трое – это как минимум. Если же детей нет и не предвидится, зачем топтать красивую плитку в ЗАГСе? Баба, ежели не мать, дурью мается, гулять будет, а зачем ему такая обуза на шею? Уверившись, что своих детей у него «не выйдет», он решил взять женщину «с приданым» (так он заменил обидное выражение, которое никак не шло Екатерине Ивановне). У этой женщины, в отличие от деревенских ш... шалуний, уже были представления о семье, совместном быте,

разумной экономии. Она готовила, убирала, стирала без этих современных словопрений о разделении бытовых обязанностей и, прости господи, зарплате жены. И детьми сама занималась, и постоять на грядках успевала. Но он не собирался, конечно, все на нее повесить и на лаврах почивать. Двое сыновей родного отца не знали, но в воспитании мужском нуждались, и тут уж он поможет, пособит, покажет пример. Повезло, что мальчики. С девочками он чувствовал бы себя неловко, все-таки чужой дядька, а пацаны – другое дело. С ними и на рыбалку, и по грибы, и в поход можно. Никаких тебе церемоний и страхов, мужики – они попроще, даже если маленькие еще.

Сошлись без ЗАГСа, она сама не торопилась, все на детей оглядывалась: как они, де, примут? Он тоже не спешил, хотел понять, осилит ли роль отца? По плечу ли ему семейная ноша? Все-таки жил бобылем, был себе хозяином, а тут... жизнь к тебе задом, а к детям – передом.

– А какие сложились отношения у Дмитрия с пасынками?

И тут словоохотливые соседи поджимали языки. Оп! Вот она, еле заметная склейка! Мялись, думали, подбирали упавшие вдруг слова. И ответы получались нескладными, не согласными меж собой. Одни говорили, что старший отчима невзлюбил, от него бегал и вообще говорил, что уйдет из дома. Другие вспоминали, что они, напротив, проводили много времени вместе и тесно общались, да так, что даже мать заревновала и перестала понимать, что к чему. Третьи шепотом добавляли, что паренек был мутный, влипал и не единожды в грязные истории. Однако мать так тряслась над репутацией семейства, что покрывала сына даже там, где любая другая уже полицию вызывала бы. Но тут же находились люди, которые с пеной у рта доказывали обратное: мол, мальчик был просто золото, весельчак и всеобщий любимец, очень открытый и приветливый, однако Дмитрия не любил за горячий нрав и не раз сносил от него побои, да терпел вот ради матери, дурачок. Наконец, появились и недвусмысленные намеки на нездоровое влечение отчима к красивому и атлетически сложенному подростку. Ведь и тогда экспертиза показала, что над мальчиком сначала надругались, а потом... Теперь уже было сложно отличить реальные воспоминания очевидцев от выводов, домыслов, подозрений, подсказанных трагическими событиями той весны. Деревенских потрясло шокирующее преступление. Понятно, что многие вдруг «вспомнили» то, чего раньше не видели и не слышали. Они даже не врали, нет, искренне хотели помочь и покарать виновного. Но напрягая память, они лишь подстегивали воображение. За годы работы Михаил Борисович такого наслушался, что сам мог бы писать романы не хуже Агаты Кристи. Правда, это были бы разношерстные сборники невероятных историй, которые полностью меняли содержание свое, в зависимости от того, кто рассказчик.

– Никита был ершистый мальчик, как все подростки, но мать беззаветно любил и худого не делал. Да, может, водил компанию с разными, но кто ее не водит? Сам он хороший был, всегда здоровался и улыбался.

– Так, а что за «разные» были у него в компании?

– Да вы что, сами молодым не были? Ну покурят в кустах, девочек это самое, выпьют немного со взрослыми пацанами. Все мы немножечко это делали и ничего, живы-здоровы.

– То есть никакого криминала?

– Да какой у нас в деревне криминал? Цветмет скомуниздить, что ли? Так этим полпоселка...

– Ладно, ясно, а почему были конфликты с отчимом, как вы говорите?

– Так Дмитрий, это, порядка захотел, власти в доме. Ну и мальчик, подросток, отца-то не было, а тут мужик новый, да еще и с норовом ого-го-го, не бей лежачего...

– Погодите, вы же сами говорили, что Дмитрий Родионович был «спокойным, уравновешенным, врагов не нажил». Как же это понимать?

– Оченна просто! С другими он общался без проблем, это правда, ведь с людьми ж работал, это хлеб его. А вот дома – другое дело. Он привык жить так, как ему удобно, понимаете? А тут дети, женщина, все со своими тараканами и хотелками. Была притирка, как без этого? Ну и ругался он за бардак, за плохие отметки. Как все мужики ругаются, но Никита к таким фокусам не привыкший, от чужого-то человека никто терпеть не будет.

– И как далеко заходили эти «конфликты»?

– Ну что тут скажешь? Мой вот парень общался с ним, с Никитой то есть, и рассказывал, что ремня тому прилетало. Я лично слышал, как они ругались, но не разобрал толком. То ли парень мать позорит, то ли отчим – мать, не понял ничего.

– Вы видели побои? Или саму драку?

– Не довелось, я и не смотрел, знаете.

– А что вы можете сказать об... ориентации Дмитрия Родионовича? Были какие-то... странности в общении с... подростками мужского пола? Может, слухи какие-то или еще что?

– Так-то я не припомню, знаете, кто об этом будет говорить? Подсудное дело и срам какой! Скрывал, значит, до поры, а что? Ведь эта Катерина – ни кожи, ни рожи, понятно, был интерес... другой. Просто мы не разглядели, не поняли, а оно вот как вышло. Теперь уже ясно, почему с детьми взял. А мы все думали, гадали, зачем она ему? Мышь же серая...

– Вот вы говорите, ваш сын общался с Никитой. Чем мальчик вообще интересовался?

– Девочками, конечно, сугубо девочками!

– Нет, я про хобби...

– А... ну телефоны у них, компьютеры. Игры там, наверно, как у всех, стрелялки. Он вообще-то часто в телефоне был, но не в «Змейку» резался, просто общительный был парень. Мой-то говорил, что он чатится с девчонками городскими, рожа-то смазливая, конечно, почему бы нет?

Или вот еще, из той же серии:

– Ну он это... нормальный был. По бабам, в смысле. Хотя в последнее время...

– Что «в последнее время»?

– Как бы сказать... это... разговоры были... специфичные.

– О чем говорили?

– Про педофилов начал говорить, про это всякое. Мы обычно такое не обсуждаем, нормальные мужики, у всех семьи, дети. В деревне таких не водится, говорю, чо про них сказать можно? А свое гнул, мол, есть такие пидоры или педики, как их там, которые с мальчиками того... Он, мол, в интернете читал, что полно таких. В девяностые годы они сюда из Америки приезжали, наших мальчиков за бургеры, представляете? В это я поверил! Они там все такие, заднеприводные!

– Ближе к делу. Что он еще говорил об этом?

– Чо та он загнался про этих пидоров, много стал читать, передачи видел. Вот у него кукуха и поехала. Я так считаю. Незачем всю эту пакость ворошить, без нас разберутся. Но я ему тогда сказал: увижу, мол, такого иностранца – вырву с корнем, не постесняюсь. И он, это, поддержал, горячо так, будто это его самого касается. Маскировался, что ли? Испугался? Бог весть! Только теперь ясно, что надо было это... в своих рядах искать. Зерна от плевел, так сказать. То-то я смотрю, он темненький, не прям русский...

– Вернемся к теме. Вы видели, чтобы он прикасался к пасынку или еще что-то в этом духе? Или к другим детям?

– Нет, боже упаси! Если бы я видел, он бы тут не сидел у вас, не нежился. Они же прячутся, скоты, их голыми руками не возьмешь! Как по мне, таких бы на кол, ну в самом деле, чо тянуть. Позор деревни, позор страны.

Мнения учителей, конечно, тоже изменились, когда стало известно о случившемся.

– Никита красавец был, балагур, все девчонки по нему с ума сходили. Как жалко мальчика!

– Нина Львовна, я тут почитал записи, поговорил с коллегами вашими и вот что обнаружил: у вас неоднократно были жалобы на этого ученика. Вы же поднимали тревогу и не раз. Что вас беспокоило в его поведении?

– А кто из нас не беспокоится на рабочем месте? Мальчик был видный, озорной, но теперь уж что говорить? Эти шалости – детский лепет по сравнению с тем, что произошло...

– Что произошло – мы знаем, но до этого как он себя вел?

– Как бы он себя не вел, это же не повод...

– Вопрос другой: каким было его поведение в школе? Почему оно настораживало?

– Ой, сейчас уже все это кажется такой бессмыслицей, что говорить неловко. Бесился на переменах. Дерзил педагогам, но тут уж все они горазды. Смеялся громко, бог весть над чем. В телефоне вот сидел на уроках, отнимала. Но вообще-то все они так делают, нечего сказать.

– И все-таки? Поймите, это важно для расследования.

– Чтобы этого душегуба не сажать? Простите, тут я вам не помощница. Если хотите знать мое мнение, нужно отменить мораторий на смертную казнь для таких вот звероподобных тварей! Нечего их кормить за наши деньги!

Друзья Никиты (а это, на минуточку, все окрестные ребята) тоже наводили тень на плетень и не могли сказать ничего конкретного.

– Какие были отношения у Никиты с отчимом? Он говорил?

– Ну какие... это... ну докапывался он по мелочи, не давал гулять ночью. Как у всех.

– Никита говорил когда-нибудь, что его били? Или... проявляли неестественный интерес?

– Ну ремнем его били, это точно, да, подзатыльники там, угрозы, мол, отправят его в этот... интернат или детский дом. Но он-то знал, что брехня это, мамка бы скорее руку откусила, чем его в приемник отдала.

– А... какие-то приставания со стороны отчима были?

– Ну это я не знаю, вроде было что-то, но кто ж о таком базарит? стыдно пацану-то. Было, раз все так, он ведь и грустный был из-за этого.

– Грустный?

– Да, я щас припоминаю, что в последние недели он то веселый до истерики, то его как в воду опустили или там во что похуже. Но это как бы настроение, у всех меняться может.

– То есть прямо он не говорил, что отчим до него домогается?

– Да не, мы такое не обсуждали. Ну косвенно-то можно сказать, что было дело, ведь он же это, часто шутил про такие вещи. И шутки были... ну странные.

– Какие, например?

– Ой, так и не припомню, чтоб дословно, но про педофилов там, про священников, которые этим занимаются. Ну знаете, как в фильмах показывают? Типа: «Один раз – Христос не спас» и все в таком духе.

– Это такая шутка?

– Ну да, я ж говорю, странная. Там в контексте смешно было, но сейчас не очень.

– А чем вы вообще вместе занимались? Увлечения там, может, спорт?

– Гуляли, угарали над приколами, в игры играли. Шутеры. У него вообще много было друзей из игры, он с ними постоянно переписывался. Даже из других стран.

– А что насчет алкоголя, наркотиков? Только давай-ка честно, без утайки!

– Ой, ну что вы?! Откуда? У нас и денег-то нет.

– Но парень из вашей компании недавно умер от передоза. Какая-то синтетика. И у тебя есть привод по этой теме. Употребление. Что можешь об этом рассказать?

– Так, прекратите давить на моего сына! Я на этот допрос пошла, чтоб помочь засадить убийцу и педофила! Мой мальчик тут не при чем и наркотики, кстати, тоже! Тут детей без всяких там наркотиков насилуют, а у вас одна раскрываемость на уме! Совсем стыд потеряли!

– Но ведь были наркотики?

– Так, он свою ошибку понял и осознал! Мы уже пролечены, ничего у нас с этим нет! Предложили в плохой компании, как и всем, теперь с этим кончено. Тот, что помер, царствие ему небесное, всегда немного ненормальный был, никто не удивился. А наркотики, между прочим, везде есть, товарищ следователь, оглянитесь! Давно на улицу выходили?

– Мы лишь пытаемся установить, были ли...

– Нечего тут устанавливать! Его убили, я вам говорю, при чем здесь какие-то наркотики?! Так, все, Вань, вставай, мы уже уходим!

Показания матери, прочитанные уже в десятый раз, наводили тоску, но наводок не давали.

– Какие еще наркотики?! Мой сын? Нет, никогда такого не было!

– Но в его компании есть подозрительные связи...

– Какие «связи»? Его убил этот... му...му...му...

– Успокойтесь, выпейте воды! Посидите молча.

– Я говорю вам, капитан, или полковник, извините, не разбираюсь, так вот, говорю вам, Никита был чудесным мальчиком. О таком сыне можно только мечтать. Было...

– Тише, тише, вот так! Извините, мы не можем не спросить. Порядок такой. Дело в том, что ваш сожитель утверждает...

– Он что угодно будет говорить, чтоб очернить моего ребенка! Он ненавидел пасынка, только я вот поздно это заметила. Нет мне прощения и оправдания. Его сама его к маньяку привела, боже мой!

– Успокойтесь, пожалуйста, возьмите салфетку со стола. Дмитрий Родионович на допросе сказал, что ссорился с Никитой из-за наркотиков. Якобы он употреблял и воровал деньги...

– Ни-ког-да! Нет! Такого ни разу не было. Какие деньги он воровал? Всю жизнь на три копейки жили, на детские, все, до последней крохи, я тратила на продукты, одежду и учебники. Все! Есть банковские данные, вы можете проверить! Ни копеечки на себя, все детям! Что там воровать-то? На хлеб – и то не останется. Не на что нам наркотики покупать, это бред сумасшедшего и убийцы!

– Но он мог воровать у отчима, нет?

– Вы думаете, я бы не узнала? Да у нас отношения были не разлей вода, очень близкие. Никита честный был, порядочный, хорошо воспитан! Спросите у людей, врать не станут, разве он кого обманывал? Разве деньги брал? Нет! Только у того, кто его убил, убил и...

– Давайте успокоимся, хорошо? Продолжим. Есть свидетели, которые утверждают, что он брал займы деньги. Одним говорил, что на игры, другим – что на девочек, третьим – на побег из дома от злого отчима. Как вы это...?

– Ложь! Покажите мне этих клеветников, я им в морду плюну! Погиб мальчик, погиб ужасной смертью, горе в семье, а им лишь бы на костях покрасоваться и кошельки набить! Если и брал он по мелочи, на сухарики и чипсы, так ведь оттого, что я эту гадость не разрешала. И что из этого следует? Что его убивать можно было? Не понимаю, какое это теперь имеет значение!

– А «побег из дома» вас не удивил?

– Дети в таком возрасте часто болтают вздор. Вспомните у Чехова рассказ, там как раз ребята убегают, начитавшись книжек. Это всегда было. Подростки, мальчишки, а живут в деревне, ничего не видят, кроме леса да оврага. Конечно, он хотел другой жизни, мечтал уехать

и поступить, учиться и человеком стать, а не печки для богатых дачников чинить и ползать, пресмыкаться перед ними. Теперь все прахом, ничего этого не будет!

– Успокойтесь, пожалуйста, нам осталось буквально пару вопросов обсудить. То есть бежать он не думал?

– Нет, конечно! Он очень любил меня и своего братика, мы хорошо жили.

– А с отчимом у него какие отношения сложились?

– Какие тут могли быть отношения?! Он же изверг! Такое сделать, господи, это кем же надо быть?!

– И все-таки, ведь не сразу вы заметили неладное? Или сразу?

– Да нет, эти нелюди умеют маскироваться, умеют очки втереть! Сначала я нарадоваться не могла на то, как они ладят. Никита сначала насторожился, не хотел в деревню перебираться, у нас все ж таки поселок городского типа был. Но жили скромно. Вот польстились на простор, на речку. Но Дмитрий смог его заинтересовать. Тут много есть для мальчиков занятий. И на рыбалку ходят, и по грибы, и на шашлыки в лесок. И сарай соорудили вместе, чтобы там копильни поставить и рыбкой приторговывать начать. У Никиты всегда была предпринимательская жилка. Он думал первые деньги заработать, свои чтоб были. Умница мальчик, гордость!

– Вернемся к теме. Когда все это начало меняться? Когда отношения ухудшились?

– Да спустя полгода жизни, когда спали розовые очки. Я стала замечать, что сын отдаляется, темнит, скрытничает что-то. Настроение скачет: то вверх, то вниз, не успеешь оглянуться. Ничего, знаете, особенного, но тревога какая-то проступила. Надлом. Я думала, что возраст, и доверилась в этом плане Диме. Он сказал, что парень переживает стресс, переезд ведь, новые друзья и другая школа. Экзамены уже серьезные пошли, на уроках давят. Эта Нина Львовна, тоже мне! Ничего плохого не хочу сказать, но эта дама явно придирается к симпатичным мальчикам, может, травма старой девы, кто знает? Так вот... Никита стал раздражительным, срывался по пустякам, мог надолго залипнуть в телефоне или в компьютере. Что? Игры? Нет, я запрещала эти игры, один вред от них. Ничего такого он не делал, боже упаси. Я же говорю, чудесный мальчик, один на миллион. Все эти его товарищи новые, да что они знают? Никуда не годятся, сброд! Им ПТУ – за счастье, самый верх карьерной лестницы. Сами-то они играют с утра до вечера, я не сомневаюсь, но мой – нет, такого не было у нас и, даст бог, не будет. Ой, что я такое говорю, господи!

– Пожалуйста, сядьте! Выпейте еще, вот так, лучше! Будете готовы – продолжим.

– Я уже готова, извините. Просто больно, дышать больно, не могу без него! Это же первенец, любимец, кровиночка моя!.. Так вот... он в компьютере учился, музыку слушал, читал. А этот... Дмитрий как пристанет к нему: «Чо ты там сидишь часами? Других дел нет? Чо такое? А ну дай сюда! Это как понимать вообще?!». Если вдуматься, скажите, ну какое право он имел вмешиваться в личные дела моего сына? Даже если он там с девочками общался, даже если долго сообщения писал, ну и что? Он красивый мальчик, ему по возрасту уже положено внимание к девушкам проявлять. Вот это я как раз не ограничивала, от этих переписок никому не плохо, одна лишь польза, хоть язык-то русский не забудут. Якобы он фотографии увидел неприличные или что-то вроде того. Но вы ведь сами понимаете, сейчас такое время, что молодые люди не стесняются и за всем не углядишь. Даже если были там такие фотографии, так и девочка небось присылала, уж я-то знаю местных девиц, это далеко не тургеневские барышни, у них там уже годы стажа, хоть внешне и не скажешь. Ох, сейчас-то я понимаю, что этот... ирод просто ревновал и сам хотел на эти фото поглазеть, извращенец старый! А Никита очень разозлился, покраснел весь, еще бы, и вот тогда у них первая ссора произошла. Я запретила Диме лезть, но он не слушал и весь аж трясся от негодования. У самого детей нет, вот чужих и строит, а что надо деликатно, с уважением к чужим границам – это нам не понять, где уж? Мы деревенские, лучше всех знаем! Вот и довел ребенка. Никита тогда вечером ушел, дверь хлопнул и до ночи не возвращался. Я чуть с ума не сошла. Каюсь, сама полезла в компьютер,

чтобы фото эти искать, но он все удалил уже. Если вообще что-то такое было, я уж сомневаюсь. Маньякам этим верить – себя не уважать!

– Вы говорили с Дмитрием об этом? Что он сказал?

– Что нельзя парню позволять такие вещи, что это до добра не доведет. Какие вещи? С девочками заигрывать? Он так и не ответил. Сам-то в девках не сидел, наслышана я о его похождениях, можете мне поверить. А у сына моего соринку в глазах заметил и раздул скандал.

– А что сказал ваш сын?

– Никита отшутился, простил обиду, когда утром я его встретила. Мальчик добрый был, незлобивый. Но после этого он прятал телефон и никому его не показывал. Я поняла его позицию и навязываться не стала. Он все-таки не маленький уже, у него личная жизнь своя. Ни матери, ни ее сожителю он не обязан о ней докладывать. А вот Дима как с цепи сорвался. «Дай! Покажи! Чо прячешь?! Руки на стол! Что в карманах?» – замучил совсем ребенка. С каждым днем все больше контроля и придирок без каких-либо оснований. Мне он говорил, что боится дурного влияния компании на Никиту и старается его защитить, но я-то вижу, что дело совсем не в этом. Материнское сердце не обманешь! Что-то другое было между ними. Теперь уже ясно, что именно. Но я не знала! До последнего Никита скрывал и берег меня, берег брата младшего от этой грязи! Не сказал ни слова, даже не намекнул, дурачок мой маленький! Боже, если бы он сказал, если бы одним словом дал понять, я бы сразу за чемодан взялась. Или за топор. Вы знаете, грешно об этом говорить, но Бог матери простит: я считаю, что такие люди жить не должны! Правосудие для них – это казнь на площади. И чем больше, тем лучше, чтоб другим неповадно было! Лучше б я его сама убила, господь свидетель!

– Екатерина Ивановна, я понимаю ваши чувства, мы все скорбим вместе с вами. Но давайте ближе к делу: отношения Никиты с Дмитрием накалились, что дальше было? В показаниях ответчика не раз возникала тема наркотиков. Якобы мальчик употреблял и поэтому они ссорились...

– Говорю вам, это неправда! Мой сын никогда эту гадость не пробовал, вот вам крест! Я же мать, разве я не замечу? Разве я буду врать? Если б было так, как этот ирод утверждает, разве я бы не заложила последние трупы, чтоб его лечить? Я сама бы воровала, но сына вылечила. Вы спросите у людей, они врать не будут! Я бы для детей жалела? Я бы их на произвол судьбы бросила? Нет, кто угодно из этой дыры, только не я! Я все до копейки отдавала сыновьям, могу отчитаться! Если бы у Никиты были такие проблемы, он уже лежал бы в клинике для таких детей, а не дома с Димой спорил. Уж поверьте, у меня с этим строго.

– Но его друзья...

– Деревенские наговаривают и приписывают нам то, чем болеют сами. Свинья грязи найдет – знаете поговорку? Я не удивлена, что кто-то умер, вы посмотрите на его родню, там от жизни одно название и то с ошибками. Мой сын с ним толком не общался, но был хорошо воспитан, поэтому здоровался на улице и улыбался при встрече. А какая у него была улыбка...

– Значит, вы отрицаете, что ваш сын принимал наркотики?

– Конечно, отрицаю!

– Но экспертиза...

– Да видела я вашу экспертизу и что с того? Говорю вам, этот урод накачал его наркотиками, подмешал ему, а когда стало ясно, что даже так Никита «этим» заниматься не будет, он просто взял его и... убил!

– Ну что вы, что вы, Оксана, черт, воды неси сюда, она походу в обморок упала!

– Нет, нет, я в порядке, уже прошло. Просто эти наркотики... Гнусная, подлая клевета, вот что! Мой сын никогда их не употреблял! Добровольно, во всяком случае. Ему явно подмешали, его отравили, чтоб потом... ну вы понимаете. Я только в газетах об этом читала, но сегодня мне уже стало ясно, что это был план. Черный и грязный план садиста: подорвать

отношения мальчика с матерью и братом, разлучить с девушкой и друзьями, разрушить его уверенность в себе, контролировать каждый его шаг, втереться в доверие, предложить запрещенные вещества, чтоб потом... совратить и пользоваться, пока никто не видит. А если увидят, этот тип и убийством не побрезгует, все едино. Но вышло все иначе. Моего сына не так-то просто сломить и облапошить. Он не из таких, он – нормальный парень, мужчина, ему все эти мерзости унизительны и противны. Я его воспитывала в духе традиционных ценностей, мы в церковь ходили. Он не позволил надругаться над собой, просто не позволил и поплатился за свою стойкость! Я горжусь им. Пусть даже так, но он себя в обиду, на осквернение не дал.

– Есть еще одна странность в материалах дела. Факт насилия есть, но ДНК Дмитрия Родионовича не обнаружено. Не нашли никаких следов ни на одежде задержанного, ни на простыне, ни на полотенце. Как это можно объяснить?

– Вы задаете этот вопрос матери? Серьезно? Господи, как вам не стыдно?! Да не знаю я, как моего сына насильовали, не знаю, понятно вам?! Если бы я была там, ничего бы этого не случилось! Я бы своими руками его убила! И лучше б сама легла, под любого и сколько надо, лишь бы сына моего не трогали! Ясно вам? Довольны? Еще вопросы есть?!

Да какие уж там вопросы... Следователь, видно, и сам был рад, что жив остался, а то с нее станется. Мать в таком гневе и отчаянии способна на что угодно. Единственное, что ее хоть как-то сдерживало, это необходимость заботиться о младшем сыне, Илюше. Ему всего семь лет, мальчик в рубашке родился, раз избежал всей этой вакханалии и остался цел. Естественно, допрашивать его никто не стал. Едва прошли суды, мать тут же увезла его восвояси и оградила от всех назойливых знакомых и родных. Для Илюши брат уехал за границу и не вернулся. А отчим заболел и умер. Так ему объяснила мать. Говорят, мальчик даже плакал. Не по брату, по отчиму. Он его даже папой называл – до того привязался. Это Эдик разузнал, когда он только успевает?

Михаил Борисович выпил уже четвертый кофе с сахаром (и это на ночь!), но так и не понял, к чему же вел его коллега? При чем тут «Занавес» Агаты Кристи? Что они упускают? Он набрал номер и...

– Что это такое было?

– Показания. Вернее, самые интересные фрагменты. Ничего не зацепило?

– Есть мыслишки. Господин X мог появиться в двух случаях из пяти, но все пять совпадений исключаются. Это и без твоего романа очевидно.

– Терпение, Гастингс!

– Ктооо?! Я тебя уволю задним числом, чтоб вообще без опыта остался!

– Ты один из кабинета выход не найдешь – все бумагами завалят. Слушай, Миша, не отвлекайся. Посмотри еще раз его показания по этому эпизоду, сразу все поймешь. Ручаюсь, это надо видеть и без-зот-ла-га-те-льно, пока свежи впечатления. Кстати, ты помнишь о «рождественском» романе про Пуаро?

– Пресвятая Богородица, да отними ты у него абонемент в библиотеку, невозможно стало работать!..

– Миша, две минуты, у такого старого козла, как ты, никто подольше и не просит! Это не по-христиански, в конце концов!

– Язва! Валяй.

– Там Пуаро исходил из психологического метода. Помимо фокусов с «внезапными» и «случайными» находками, там дельные вещи есть. А именно – анализ личности жертвы, который безошибочно указал на мотив убийцы и даже вывел поиск на другой уровень. Поскольку старый хрен любил победокурить на стороне и передал своим детям мстительность, решительность и алчность, логично было предположить, что кто-то из незаконных наследников не очень-то доволен своим положением.

– И вот мы уже копаем под убитого подростка? В прямом и переносном смысле...

– Не юмор, а профессиональная деформация, я понял. Да. Обрати внимание на то, что говорят о нем люди, как говорят. Это очень важно. Мне кажется, мы взяли верный след.

– Я уж понял, сам несколько... заинтригован. Господина Х я уже нашел. Но однозначно есть, о чем подумать. Ты скинул мне уже?

– Да, на почте.

– Добро.

Глава 3

– Вы так и не объяснили, зачем убили Никиту Рогова? Что он вам сделал?

– Да как вы не понимаете?! Я не хотел, так... вышло. Я не помнил себя от гнева и... сделал это.

– Эти байки вы оставьте для защиты, может, адвокаты в сказки верят все еще, у нас же нет времени на смягчающие обстоятельства, давайте-ка к сути перейдем. Чем он вас настолько разозлил?

– Никита... вовсе не плохой парень, но сложно мне было с ним. Я сначала не заметил, не хотел в душу лезть, думал, мало ли, подростки, все они такие нервные сейчас, на хромой козе не подъедешь. То одно у них настроение, то другое. И мать еще такая строгая у них, кто бы мог подумать? Никто ж не знал! Они от всех скрывали, получается.

– Давайте ближе к делу, кто и что от вас скрывал?

– Я и говорю, не сбивайте! Он странно себя вел, был как на иголках. Я постарался с ним сблизиться, таскал за собой повсюду, а потом понял: он зависел от наркотиков, причем очень сильно. Сперва я дома нашел пакетик, думал, фигня эта, знаете, из-под обуви. В коробку еще кладут, никогда не понимал, зачем это. А тут я подобрал, его спрашиваю, ботинки, что ли, купил. С подвохом спрашиваю, с ехидной такой усмешкой. У меня ведь деньги начали пропадать, все больше и больше. Я молчал, не хотел Катерину беспокоить и мальчика смущать, думал, сами уладим, по-мужски. Вот я и поймал его, как говорится, за руку, на ботинки он деньги тратил, а рассказать, попросить – стеснялся. Я хотел простить уже ботинки эти, черт с ними, лишь бы не воровал, а просил нормально, по-человечески. Что мне, жалко? Но он как побледнел, посинел аж, руки трясутся, губы дрожат: «Отдай! Не твое, отдай! Я же сдохну сейчас, верни мне!». Так я из него и вытянул, в чем дело. Этот малолетний торчок из матери всю душу вынул: занимал деньги всеми правдами и неправдами, воровал, обманывал, лишь бы дозу получить. Но Катя... она же такая гордая, правильная, скромная. Ее сын обожаемый, первенец, просто не мог быть нариком, понимаете? Она последнее у себя возьмет, но его отмажет. Она готова лгать всему миру, изворачиваться, хитрить, но его не выдаст. И даже денег даст, вот в чем дело. Он умел ее уговаривать, ой как умел! Соловьем тут заливался, на коленях ползал, ноги целовал. Я ее понимаю, что, какая мать выдержит? Зато мне каждый вечер надо было с двух фронтов оборону держать: один то ревет, то кричит, то скалится, и другая в ту же дудку. В ход пошли упреки, эти женские штучки, «ну в последний раз, а потом в больницу». Так я никакой больницы и не видел! Дурили мне голову всей толпой, даже Илюшу втемную использовали, чтобы из меня деньги вытянуть. И ладно деньги... Молчание. Бездействие. Игра на публику, мол, все у нас отлично, нормальная семья! Я же тоже эту гадость покрывал, тоже малолетку подсаживал. Ничего не делал так долго! А пока я тупил и слушался, эти суки из него зомби сделали! Он вообще ничего не соображал, за год в употреблении все мозги высрал! Я в последние дни вообще не знал, понимает ли он, где находится? И сидит еще на синтетике какой-то, следов не найти, вены чистые. Никому ничего не докажешь! Внешне прекрасный принц, а внутри уже гнилое яблоко! Он играть умел мастерски, тот еще артист. Весь в мать. И в отца – такого же наркомана, который Катьку бросил и все-все из дома вынес. Яблоко от яблоньки...

– Если все это так, допустим, почему же вы, посторонний, я напомним, человек, не выгнали всю эту семейку к чертовой матери, пока целы?

– Что тут скажешь? Дурак, наверное. Привязался, прикипел. Не смог уйти, хотя мог бы, мог бы... Но как их бросить? Что одна – дура и глупости делает из любви слепой, что другой – жертва, ребенок, которого обманули. Какой вариант здесь правильный? Я не вижу! Только мужик, глава семьи, мог ударить кулаком по столу и решить проблему.

– И вы решили? Ударили, да не по столу, так?

– Не юродствуйте! Я перепробовал все, что мог, но и руки у меня были связаны. Катя не хотела огласки, боялась идти к врачам, за три версты полицию обходила. Больницу, конечно, они придумали, никто бы туда не лег, ведь «что люди скажут?». Шантажировала меня Илюшей, мол, каково будет ему учиться, если все вокруг будут пальцем тыкать? Да кто, блин, будет? Полдеревни сидит, я уж потом узнал, что вся компания такая! Идиот старый, мог бы догадаться, что к чему, где берет и так далее! Но я работал, семью кормил, не мог же я разорваться, в самом деле!

– Что же вы такое пробовали, позвольте узнать?

– Я запрещал, обыскивал, отнимал, скандалил, следил, запираю, даже бил, да, и это было, не отрицаю. Но и вы поймите, я не железный! Он сам в первый раз на меня пошел, с ножом был, что мне оставалось делать? Я выбил и нож, и дурь из него тоже. На один раз. А дальше снова. Вы пойдите и отнимите у них говно это, сразу силы появляются у них, откуда – бог весть, но с таким человеком страшно. Мне, взрослому мужику, страшно было, я отвечаю!

– Отвечать, любезный, будете в суде! А пока скажите, как далеко зашли ваши воспитательные меры? У ребенка места живого нет, одни побои!

– А вы думаете, я один такой? За долги его не били? А за воровство? А просто так, потому что долбит? Не было? Просто мать сор в избе держала, никто и подумать не мог, что у парня драма. Говорил другим, что за девушек дрался или просто так, от балды, и ему верили. А если были приводы, мать ходила и отмазывала, давала денег, плакала, клялась, что в последний раз. И парню не было шестнадцати еще, все входило в положение. Такая приличная с виду женщина, все для детей. Если будет сигнал в опеку, оно же хуже. Ведь мать хорошая, не пьет, мужчин не водит, и если у таких детей забирать, до чего же мы докатимся? Вот и отпускали без последствий, хотя надо было засадить и подальше, чтобы он компанию свою не видел и телефон этот паршивый выбросил!

– А что там за история с телефоном? Зачем вы его с таким боем отбирали? В печку кинули и сожгли? Что же там такое было? Улики, переписки, фото? Зря вы запираетесь, говорите!

– Я уже объяснял насчет телефона: не хотел позорить Катю и светить его дела. Если уж погиб так, пусть уж без скандала, без грязи этой...

– Куда уж хуже? Ваше дело прогремело на всю область. Про наркотики, если были наркотики, все узнают. Почему вы не хотели, наоборот, помочь следствию и наказать торговцев? Это было бы логично, нет?

– Нет! Этих все равно полиция крышует, ничего она не сделает. Только хуже было бы. Парень прогремел бы на всю страну, а не на область, как вы говорите.

– Что же там такое было, а? Согласитесь, тут ваши слова и дела расходятся: вы хотели пасынка посадить за наркотики, разогнать компанию, наказать дилеров, так? Убрать эту опухоль из деревни, ради того же Илюши и его будущего? Но как только вы получаете все улики и скрывать зависимость ребенка больше нет нужды, вы сами же бросаете их в печку! Туда же отправляете и свой мобильник. Потом и жесткий диск от компьютера. Это не странно, нет? Что вы скрываете, а, Дмитрий Родионович?

– Считайте, что я действовал в этом... помрачении рассудка.

– Нет, любезнейший, не так все просто! Для состояния аффекта не характерны такие действия. Они рациональны и последовательны. Вы сознательно хотели скрыть от следствия важную информацию. Более того, вы отлично владели собой в момент «помрачения рассудка», всем бы так! Даже опытные преступники совершают промахи – забывают про жесткий диск и, представьте себе, даже не знают, где он находится. А вы вот, плотник из деревни, прекрасно знаете! И помните о нем в момент «кипения от гнева». Как вы можете это объяснить? Что там такого стыдного?

– Я не... я не думал, что это нужно. Я же не уваливаю, убил, судите! Сам признался и подписал. Какие еще улики?

– Вы признались, да не во всем. Как вы объясните, что на теле жертвы были обнаружены следы сексуального насилия?

– Я не... да что вы? Это не я! Он откуда-то пришел вечером еле-еле, был в невменяемом состоянии, с дверью разговаривал – ручку найти не мог, это тоже я сделал? Вот туда, откуда он вернулся, нужно обращаться, там и было!

– Ой как интересно получается! Мы бы обратились, спасибо за ценные сведения, только вот ведь незадача: кто-то бросил телефон в печку, а там все явки, пароли и адреса! Куда же нам идти? К тому, кто это сделал, логично?

– Не поспоришь.

– Вот именно! Послушайте, Торинов, не валяйте дурака! Вы и так уже по уши в этом самом. Давайте по-взрослому, без кокетства! Это вы изнасиловали подростка?

– Нет! В содомии я не повинен! Убил – да, вывел он меня, не смог я больше! Избил – да, потерял счет побоям – да, смерти его хотел – да, черт меня возьми, хотел, потому что сам Никита уже не жил! Это издевательство над ребенком! Его мать родная за уши в могилу волочила, и сама туда же шла, да еще и с маленьким в придачу! В тот вечер, именно в тот вечер, я осознал, да, глаза открылись: это не Никита на меня смотрит, неет! Это сама пустота на меня исподлобья зыркает. Рооовным таким и тягучим взглядом. Как гудрон – все вокруг себя черным мажет и не смывается.

– Так, лирику оставьте для тюремной корреспонденции. Вы отрицаете факт насилия, все верно?

– Верно.

– Кто же это сделал?

– Я устал, можно воды?

– Берите. Повторяю вопрос: кто это сделал?

– Я не знаю, правда. Если бы знал, я...

– Убили бы, да?

– Не смешно.

– Вот и нам не до смеха, Торинов! Ребенка зверски избили и изнасиловали, он погиб. Единственные доказательства его «тайной жизни» уничтожены. И мать, и соседи, и учителя, словом, все его окружение в один голос утверждает, что не было никаких наркотиков и не было никаких проблем, пока вы со своим «воспитанием» не влезли. Зато все подтверждают конфликты и стычки между вами. Экспертиза показала, что парень употреблял перед смертью, но эту же синтетику вы сами могли дать ему под видом аспирина или еще чего, чтобы склонить к действиям сексуального характера. Он отказался, пригрозил вас сдать, вот вы и не выдержали – дали волю своим противоестественным наклонностям. Если все равно узнают, чего терять? Пусть уж будет удовольствие напоследок. Но парень начал сопротивляться, вас это вывело из себя, вы его убили. Разве не так?

– Нет! Я его не трогал! В смысле...

– В смысле только убили, но не насиловали?

– Да.

– Вы хоть сами понимаете, как это звучит?

– Да. Но я говорю правду.

– И уничтожили все доказательства своей невиновности? Мне так и записать?

– Да. Я не отрицаю вину за убийство. Я не думал, что телефоны важны.

– И сознательно их уничтожили?

– Не хотел, чтобы мать увидела. Не хотел, чтобы его запомнили таким. Он не был плохим мальчиком, его просто обманули. Вы не понимаете. Нет, он не заслужил такого! Я сделал для него все, что мог, я не думал, что будет так!

– Поздно плакать, Торинов, для присяжных слезы берегите. Если они будут, уж не знаю. Как по мне, дело ясное, тут и говорить больше не о чем! Зря вы запираетесь! Только чистосердечное и во всем статьям вам хоть как-то поспособит, больше ничего. Подумайте, Торинов, стоит ли вилить дальше? Мы и так все знаем, зря старались! Все, уводите!

Михаил Борисович едва не запыхался, все еще сидя на «боевом коне» (так прозвали продавленный и покоцанный стул начальника, ставший героем местного фольклора). Он только что поймал господина Х за порванный рукав, обожженный в печке! «Так вот что Эдик имел в виду. Любопытно... Надо бы побеседовать с этим Ториновым еще раз, но уже о том, другом деле. Но сначала...». Он поспешно выключил компьютер, собрал бумаги и с неожиданным проворством выскочил из кабинета. Наконец-то в этом злополучном деле появилась хоть какая-то ясность!

Глава 4

Михаил Борисович пулей вылетел из коридора, на ходу заматываясь в шарф, и оказался в мутной ночи ноября, где кое-где проглядывал изъеденный солью снег. Было холодно и промозгло, но мелко для русской зимы, отчего настроения не было никакого: ни осеннего, ни зимнего, ни хорошего. Он уже прокручивал в голове далеко идущие планы, как вдруг напоролся на острую финку взгляда, взыскующего к ответу. Опять она! Светлана Григорьевна Ветроглядова, мать одного из пропавших мальчиков. Конечно, она вновь подстерегла его у здания, несколько не заботясь о соблюдении приличий и дистанции. Плевать, что все видят и прогоняют, плевать, что о ней подумают, плевать, что на улице плюс один и влажно, как в накрытой бочке. Она дрожит от сырого ветра, но не уходит. Стережет. Преследует. У нее снова важная информация, которая не может подождать до завтра. «И наверняка какой-то порожняк» – грустно подумал он. Но делать нечего. Она выискивала именно его, потому что он не отмахнется, как следовало бы, а внимательно будет слушать, лелея идиотскую надежду на зацепку. Хотя ему ли не знать, что Светлана Григорьевна принципиально не способна сообщить хоть что-нибудь весомое об исчезновении сына. Все ее находки, версии и «наиважнейшие факты» – такое...

– Я, кажется, все поняла! Наконец-то дошла до истины!

– Добрый... пусть будет вечер. Я чертовки вымотался сегодня, давайте без околичностей. Что у вас?

– Вы же помните, что Егор играет? Ну шутеры эти, стрелялки.

– Да, как и миллионы других детей. Что дальше?

– Я смогла найти его друга по игре и связаться с ним. В аккаунт-то я зашла, но что толку? Непонятно ничего! Все на английском, названия странные, много кнопок. Я потыкалась, глухо! Но недавно я зашла туда и увидела чаты. Вот тут-то было, что посмотреть! Конечно, из этого сленга не разобрать, что к чему, но...

– Переходите к сути, я вас прошу!

– Этот парень узнал от меня, что произошло, и нормально уже ответил, что и сам заметил странности в поведении Егора. Если раньше он весь этот «шмот» зарабатывал в игре сам, ничего не донатил, то в последнее время начал покупать много чего полезного для игры... и дорогого. Вы знали, что эти мечи, пояса и ружья стоят невероятно много?! Там же крутятся миллионы рублей! А речь идет о каких-то пикселях! Правильно я, значит, делала, что не разрешала. Там же квартиру проиграть можно...

– Значит, в последнее время у него появились деньги, которые вы не давали, так? О каких суммах идет речь?

– В том-то и дело! У него одних игровых покупок на две с половиной сотни! Тысяч, понимаете, тысяч! Откуда у него такие деньги? Я и не могла ему столько дать. И взять ему неоткуда. У нас нет таких знакомых и родных, всегда тянули от зарплаты до зарплаты. Все отчисления отца я переводила на специальный счет – Егору на поступление. Деньги на месте! Никто не брал. Что все это значит?

– Это очень интересно. Когда появились первые покупки? Можно это проследить?

– Полгода назад.

– Полгода... сначала мало, потом все больше и больше?

– Да, именно так.

– Какие-то еще странные покупки были? Или развлечения? Что-нибудь необычное? Вспоминайте, это действительно важно.

– Да нет, я ж вам говорила, он – тихий мальчик, домашний, ничем, кроме компьютера своего, не интересуется. Совсем ничем. Мы ругались из-за этого, ссорились. Он ведь по десять

часов сидит в этих играх, не ест и не гуляет, как... зомби из этих дурацких фильмов. У него же натуральная зависимость, я не утрирую, я к врачу ходила!

– Без него?

– Как же, пойдет он, держи карман шире! Ой, простите.

– Ничего. Так вы говорите, что врач поставил диагноз?

– Ну не диагноз в строгом смысле этого слова. Сейчас такое не ставят, да и я не за диагнозом туда ходила. Я домой его привела, чтобы он лично посмотрел и убедился. Врач хороший, пошел навстречу. И знаете, что сказал? Зависимость! Нужно лечиться. Подменять нереальные впечатления реальными. Жизнь, дескать, разнообразить. Но как с моей зарплатой это сделать? На этот вопрос мне ни один специалист не ответит. Курорты, знаете ли, я не потяну. Сама об отпусках лишь передачи вижу. А родной отец... спасибо, что хоть минималку платит.

– Значит, парень по уши увяз в видеоиграх? И деньги на них просил? Вы, конечно, не давали?

– Из каких?! У меня все по копейке рассчитано, никаких излишеств. А тут еще воображаемые фантики оплачивать! Было бы, на что! Я не враг своему сыну, не стала я ему цифровое рабство покупать. Так и выразилась: «Рабство!». Он, конечно же, в штыки: «Ты не понимаешь, это наше будущее! Я стану стримером и буду зарабатывать большие деньги, только надо сейчас вложить, все окупится!». Я ведь это слышала уже, меня не проведешь. МММ все эти, сетевой маркетинг, сначала тыщу заплати – потом миллионером станешь! Поле дураков! Но куда мне, я же старая, ничего не смыслю! Проблема отцов и детей. Может, он поэтому пропал, а?

– Почему «поэтому»?

– Ну вот со мной ему тяжело было, приходилось горькую правду слушать о том, что их, дураков, используют и разводят! О том, что «Сказка о потерянном времени» – это вообще не сказка! Он же всю молодость в этом компьютере проиграет, так ничего не увидев, кроме разноцветных пикселей! Вот и ушел он из дома, стало быть. Мать плохая, мать не понимает ничего...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.